# Исследования

Дарья Димке, Ирина Корюхина

# Поселок городского типа: временные ритмы деурбанизированного сообщества

Советская модель экстенсивной модернизации породила несколько специфических типов поселений. Самый характерный — поселок городского типа (ПГТ), который совмещает в себе черты сельского быта и индустриального типа производства. В таких поселках сформировались специфические сообщества, особенности которых проявились после распада советского мира. В 1990-е годы, пока ПГТ постепенно умирали, стало очевидно, что импорт рабочей силы сопровождался в числе прочего и импортом некоторых структур, которые организовывали время и пространство людей, работающих на заводе. Статья



---

Димке Дарья Владимировна — магистр антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, научный сотрудник исследовательского центра «Res Publica» Европейского университета в Санкт-Петербурге, научный сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск). Научные интересы: антропология времени, антропология и социология педагогических практик, антропология памяти, утопия, утопические проекты и утопическое воображение, постколониализм.

Корюхина Ирина Юрьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и культурологии факультета сервиса и рекламы Иркутского государственного университета, научный сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск). Научные интересы: антропология городского пространства, социология повседневности.

Исследование проводилось в поселке городского типа Мишелевка в Иркутской области. Сбор полевого этнографического материала (долгосрочные экспедиции, интервью и включенное наблюдение) был начат в 2006 г. В 2011 г. исследовательская работа продолжена в раках проекта «Анализ ресурсов семей и местного сообщества в социализации детей и подростков» Стратегии-2020. Сокращенная версия текста впервые опубликована в журнале «Отечественные записки». 2012. № 5.

посвящена механизмам социального распада, которые во многом были предзаданы колонизационной технологией освоения пространства и специфическим чертам сообщества, которое сформировалось в ПГТ после крушения Советского Союза и существует по сей день.

*Ключевые слова:* антропология времени, сообщества, техники колониализма, постколониализм, социология вещей, Б. Латур, классовая память, М. Хальбвакс, бедность как жизненный мир, поколения, деиндустриализация

Советская модель освоения пространства породила несколько специфических типов поселений, один из которых — это поселки городского типа (ПГТ), т. е. населенные пункты, которые совмещают в себе черты сельского быта и индустриального типа производства. Особенно много их было и остается в Сибири[1]. Жители ПГТ, главным образом рабочие «поселкообразующего предприятия», как правило, не занимались сельским хозяйством, хотя и жили в сельской местности. Этому было несколько причин. Во-первых, их основная трудовая деятельность была связана с заводом, от городских рабочих их отличал не род деятельности, а место поселения. Во-вторых, часть из них жила в благоустроенных домах, у тех же, кто владел частным домом, приусадебный участок был небольшим (4–6 соток).



Как правило, ПГТ создавались посредством массового импорта рабочей силы. Туда, где разворачивалось новое производство (или модернизировалось старое), привозили необходимое число рабочих с семьями. При этом конкретный населенный пункт мог быть основан в любой исторический момент. Так, например, объект нашего исследования, сибирский поселок Мишелевка в Иркутской области появился еще в 1860-е годы. Административный статус ПГТ он, как и другие населенные пункты схожей судьбы, получил только тогда, когда его захлестнула волна модернизации и полунасильственной урбанизации. Основные признаки ПГТ — единственное поселкообразующее предприятие и отдаленность от города [Кузнецова, 1986].

Как показали 1990-е годы, когда ПГТ постепенно умирали, импорт рабочей силы подразумевал в числе прочего импорт неко-

1 Конечно, ПГТ существовали не только в Сибири. Однако именно в Сибири (и, частично, на Урале) они имели особое значение. Помимо того, что их было гораздо больше, чем в других регионах Советского Союза, индустриальные предприятия, к примеру, Европейской части страны, в основном, располагались в городах.

торых структур, которые организовывали время и пространство людей, работающих на заводе (или любом другом поселкообразующем предприятии). Закрытие завода в 1990-х сделало очевидной ту роль, которую он играл в жизненном мире поселкового сообщества. Именно предприятие было силой, организовывавшей время и пространство поселка. Его остановка сделала практически нежизнеспособными все социальные структуры. Наша статья посвящена механизмам социального распада, которые во многом были детерминированы колонизационной технологией освоения пространства.

Речь пойдет о переносе на сибирское село индустриального способа организации социального пространства и о тех последствиях, которые влечет его разрушение. За гибелью индустрии с неизбежностью следует трансформация социального — бедность как особая модель жизненного мира связана с особой моделью времени.



## Краткая характеристика поля

Объектом нашего исследования стал ПГТ Мишелевка. Он расположен в стороне от Московского тракта и железнодорожной магистрали: добраться до поселка можно только на автотранспорте. Расстояние от райцентра Усолья-Сибирского до Мишелевки составляет 46 км.

Численность населения на 01.01.2005 г. составляла 7,8 тыс. человек[1]. Градообразующее предприятие ПГТ Мишелевка — Хайтинский фарфоровый завод, функционировавший с 1860-х годов, в начале 1990-х остановил производство. Более 3000 человек остались без работы.

Реальный уровень безработицы в поселке на сегодняшний день превышает 50% экономически активного населения[2]. По причине специфичности профессий и транспортной удаленности Мишелевки каналов горизонтальной миграции у жителей практически не было.

В Мишелевке более 20 магазинов, которые равномерно распределены по поселку. Работает вся традиционная бюджетная сфера (в том числе больница на 20 коек). В школе проходит обучение около 700 учеников. Продолжает функционировать жилищно-эксплуатационное хозяйство. Однако в сумме оно дает очень небольшое число рабочих мест, поскольку основная часть поселка заполнена частной

1 http://www.mojgorod.ru

2 По данным администрации п. Мишелевка.

застройкой и не требует сколько-нибудь серьезных коммунальных работ. Дополнительно снижает число рабочих мест тот факт, что к работам в ЖКХ стали активно привлекаться безработные, направленные «на общественные работы», заменяя, по сути, оплачиваемых работников.

В ближайших населенных пунктах — селах Хайта (8 км) и Бельск (7 км) — расположены сельскохозяйственные филиалы АО «Белореченское», где можно устроиться на временную или постоянную работу.

Мишелевка была постоянным ПГТ. Это означает, что поселкообразующее предприятие — Хайтинский фарфоровый завод — не было связано с ресурсами, которые могли быть быстро исчерпаны (как, например, лес в таежных ресурсных поселках). Приезжая сюда, люди полагали, что могут остаться на долгое время, в отличие от тех, кто ехал работать в ресурсные ПГТ и был готов к тому, что через некоторое время производство будет свернуто[1].

Хайтинский фарфоровый завод просуществовал почти полтора века. В 1990–1994 гг. производство функционировало лишь частично. С 1993 г. началась продажа оборудования. В 1995–2006-е годы весь персонал, кроме части административных сотрудников, был уволен. На сегодняшний день на заводе практически не осталось функционирующей техники.



Д. Брэди и М. Вэллас [Brady, Wallace, 2001] указывают, что большинство исследователей не уделяют должного внимания тому, что деиндустриализация — это медленный и постепенный процесс. Порождаемые им трансформации (например, изменения в структуре семьи) зачастую не учитываются, поскольку они проявляются далеко не сразу. Мы остановимся на одной из таких трансформаций, ставшей очевидной только спустя десятилетие, на смене временного ритма поселка[2].

## Структуры темпоральности

Наше описание повседневности поселка будет строиться на сравнении текущего положения дел с периодом функционирования завода.

---

1 «Временным» ПГТ посвящены несколько литературных текстов советского и постсоветского периодов. В частности, повесть В. Г. Распутина «Пожар», в которой содержится множество тонких наблюдений об особом мировосприятии, свойственном жителям таких поселков [Распутин, 1990].

2 О важности времени и его ритма в повседневной жизни, а также о способах его исследования см.: [Lefebvre, 2004].

Ностальгические воспоминания о прошлом нередко начинаются с упоминания утреннего заводского гудка. Он сигнализировал о начале и завершении рабочего дня, который строился по неизменному порядку. Завод определял ход времени, задавал ритм жизни[1], из которого практически невозможно было выпасть.

Более того, если человек выпадал из временного ритма, его очень быстро «возвращали». О том, как происходило такое «возвращение», рассказывает одна из респонденток. По ее словам, если рабочий отсутствовал на рабочем месте, через несколько дней к нему домой обязательно заходил участковый, осведомиться, в чем дело. «Дело», по ее словам, обычно заключалось в неумеренном употреблении алкоголя, что, однако, происходило нечасто, а с приходом участкового прекращалось, и рабочий возвращался к своим обязанностям. Эти визиты респондентка описывала как пример заботы завода о рабочих, внимания к их проблемам и оценивала как необходимую в такой ситуации помощь [интервью №13]. Подобная регламентация повседневности до сих пор воспринимается большинством информантов как нормальная, более того, как необходимая для жизни поселка.



Сегодня завод продолжает восприниматься жителями как центр поселковой жизни, заменить который ничто не может. Когда информанты говорят о нефункционирующем предприятии, они используют глаголы «обеспечивал», «заботился», «выстраивал». Завод обеспечивал работой, выстраивал жизнь и заботился обо всех — о каждом, даже выпивающем рабочем. Пользуясь терминами Б. Латура[2] [Латур, 2006], завод для социальной сети поселка был самым деятельным актантом, а связь предприятия и поселка обеспечивала жителей единым временным ритмом, в сущности, создавала рамки жизненного мира ПГТ: «*Когда был завод, гудки будили людей, это стимулом было каким-то в жизни. Гудок прогудел, гудок прогудел... Это даже маркой, лицом поселка было. Работающий завод, гудки, <...> по всему поселку разносились. А сейчас <...> пьянство и безработица*» [информант №1]. Похожий феномен описывает в статье «Другие пространства» М. Фуко, где время монахов в монастыре регламентирует церковный колокол. И если смена колокола гудком означает переход регламентации повседневной жизни из сферы религиозной в сферу производственную, то исчезновение гудка знаменует распадение общей временной перспективы, т. е. распада социальной общности [Фуко, 2006].

---

1 О колхозах и совхозах, которые исполняли похожую роль в советских селах и деревнях см.: [Лиднер, 2002].

2 Описание теоретической рамки статьи см. с. 88–91.

Сегодня завода-актанта в жизни поселка нет. Утро начинается у каждого в свой час, и этот час, как правило, не ранний — у большей части жителей просто нет постоянной занятости (к вопросу о том, почему они не ищут ее за пределами поселка, мы вернемся чуть позже). Поскольку связь между заводом и поселком обеспечивала общее время поселка, а также его смысловое и механическое наполнение, то жизненный мир, который был создан этой связью, исчез вместе с ней[1].

Функционирующее предприятие задавало жителям поселка перспективу пожизненной занятости, что позволяло им ориентироваться во времени и рассчитывать на достижение долгосрочных целей. Сейчас, по сути, они живут вне времени, в вечном настоящем. Навыки обращения с будущим постепенно утрачиваются. Планирование становится сугубо краткосрочным в связи с отсутствием постоянной работы, общей неопределенностью, нехваткой самого разного рода ресурсов — от материальных до образовательных. Ближайшие планы касаются повседневных дел, а отдаленные перспективы представляются неуправляемыми. Попробуем проиллюстрировать это предположение на примере того, чем жители поселка питаются и как выбирают продукты питания.



Мы уже упоминали, что ПГТ расположены в сельской местности и, хотя сельское хозяйство не было распространено в поселке, логично предположить, что после закрытия завода именно оно должно было стать одним из основных источников пропитания для жителей. Однако этого не произошло. Эту странность отмечают и приезжие. Процитируем интервью со священником, которого недавно перевели в поселок: *«Знаете, я когда приехал сюда в первый раз, я сильно отличал этот поселок от деревни. Даже вот в Хайту приезжаешь, там навозом пахнет, где-то там рев поросенка — деревенская жизнь. Здесь этого нет. <...> Наделы по 4 сотки, это еще в советское время. У меня вот тоже 4 сотки, на них разве что вырастишь? Что еще? Люди сильно как-то не уповают на свое это хозяйство. Чисто по-городскому мышление. Деревенские вот — „ну нету денег, ладно, я поросят, гусей, уток выращу". Здесь вон пруд какой! А гусей никто не держит, а они ведь сами могут расти»* [информант № 2].

Сельское хозяйство потребовало бы жесткого переструктурирования времени, к чему большинство жителей оказалось неспособно. Любопытно, что зачастую люди с постоянным доходом имеют и хозяйство, например, огород; другие, не имеющие постоянного

1 О роли структурирования времени в повседневной жизни см.: [Zerubavel, 1981].

дохода (их большинство) не культивируют огорода или же земля обрабатывается минимально под посадку картофеля, моркови, свеклы и томатов. Одна из безработных респонденток на вопрос о том, не пробовала ли она в качестве дополнительного заработка помогать кому-нибудь по хозяйству, объяснила, что не успевает обрабатывать даже свой огород. В огороде рос только картофель: *«В: Ты без работы, да? Давно без работы уже? О: Три года уже. В: И что? Как? На что жить? О: Муж пенсию получал. Приарабатывал. В: А какие-то дополнительные заработки, к примеру, можно же здесь, помогать копать кому-то? О: Ой, у меня вон своя картошка, кто бы помог мне выкопать! Я нынче сама огребала, сама полола, сама садила! Ну, дочка с города приехала, помогла посадить»* [информант № 3].

Сбор грибов и ягод, ловля рыбы стали более востребованными занятиями, поскольку не требуют постоянной занятости. Однако и к таким практикам обращаются в основном пожилые люди. Добытые продукты нужно перерабатывать, что, опять же, требует времени и усилий. Таким образом, обеспечение пропитания посредством подсобного хозяйства или «собирательства» жителями поселка практически не используется. Естественно, большинство сажает картошку, но вовсе не в «промышленных масштабах»; как правило, задействуются уже упомянутые «четыре сотки». Еду покупают в магазинах. Причем ассортимент, который предлагают покупателю, весьма неожидан для городского представления о безработном поселке.



В поселковых магазинах продают различные полуфабрикаты (от лапши быстрого приготовления до котлет) и выпечку — это самый востребованный рацион. Когда есть деньги, покупают и готовят в основном полуфабрикаты. Если денег нет, варят картофель. Понятие «растягивания» зарплаты у большинства жителей поселка нет. К примеру, не принято покупать мясные продукты понемногу, чтобы хватило до следующей получки. Деньги тратятся практически сразу, и за неделей питания пельменями и котлетами следуют три, когда на столе только картошка. Заготовки овощей и ягод не очень распространены, так же как и приготовление еды сложнее, чем каша или та же картошка. Многие называют любимым блюдом лапшу быстрого приготовления с жареными куриными окорочками [информант № 9][1].

1 «В: А холодильник есть? О: Нет холодильника, зачем он нужен? В: Ну, зимой-то нормально, а летом? О: А летом тут магазин рядом. Я пойду, возьму на один раз, мы сварим. А иногда и вообще не надо, лапшу запарим с ним и поедим» [информант № 9].

Работающий завод обеспечивал жителей стабильной зарплатой, позволяющей планировать траты. Сейчас, когда деньги появляются нерегулярно, это представляется излишним: если непонятно, когда деньги появятся в следующий раз, какой смысл в их экономии? Жители поселка умели обращаться только с единым временем, порожденным заводом. В его отсутствии навык планирования как обращения со временем утрачен.

## Поколенческие структуры

Мы в общих чертах охарактеризовали, каким образом жители поселка взаимодействуют со временем, теперь посмотрим, как выстраиваются отношения с темпоральными ритмами у разных поколений.

Когда завод функционировал, в общий темпоральный поток были вписаны все поколения, и каждому из них принадлежал свой фрагмент времени и пространства. Сегодня время, ранее четко разделенное между разными возрастными категориями, стало предметом конкуренции. Так, одно из новых явлений в жизни поселка — это «война» между молодежью и пенсионерками за право посидеть на лавочке у дома или подъезда. Раньше это было просто невозможно, поскольку большая часть молодежи трудоспособного возраста работала. Сейчас, проходя по поселку, можно стать свидетелем экспрессивных диалогов между молодежью, сидящей на лавочках, и бабушками, вытесненными со своего традиционного места. Типичная характеристика, которую пенсионеры дают времяпровождению молодежи, *«...вот они, пожалуйста, они вот на лавочках с утра до ночи с такими вот большими бутылЯми пива сидят и это все ихнее развлечение, все ихнее удовольствие в жизни»* [информант № 10].

Сегодня каждое поколение обращается со временем по-своему. Это хорошо видно на уже затронутой теме питания. Старики, в отличие от большинства работоспособных жителей поселка, способны к структурированию времени: занимаются огородом и активно запасают продукты на зиму[1]. Молодые девушки при этом не интересуются домашним хозяйством и, как правило, не умеют готовить. Их матери также не считают это нужным. Ло-

1 «О: У меня холодильник — и хвастаться не буду, но все у меня есть — и картошка тут, и мясо, и котлеты, и хлеб, и огурчики, и все. В: Вам пенсии так хватает? О: Хватает, еще и внучат угощаю! Хватает, потому что я никогда же не пила, никогда не гуляла, рюмочки никогда, за 84 года своих — люди-то всякие...» [информант № 11]

гика их рассуждений такова: если есть готовые котлеты, то зачем тратить время?[1] Старики с осуждением относятся и к первым, и ко вторым.

Аналогичное отличие между поколениями можно проследить и на примере отношения к одежде. Старшая женщина: *«Подруга меня зовет — приезжай, я тебя положу в больницу, обследоваться с ног до головы — я уже много лет не обследовалась. И конечно, надо бы — и глаза проверить, и зубы подлечить. А я думаю — одену я похожую на стежонку куртку, старые сапоги и поеду в город — я комплексую в этом отношении. <...> Я комплексую, что я не могу на какой-то вечер, какой-то юбилей — я отказываюсь. Мне не в чем, у меня нет туфель, у меня нет возможности их купить»* [информант № 1].

Младшая женщина: *«...А я вообще — в чем есть, то и одела. <...> Ну, мне одевать-то нечего. Зимой в брюках да в колготках, в кофте старой, ей лет, наверное, пять уже. Летом юбку одену, трико одену и пойду. А что одеваться? Все свои, все мишелевские — все видят, как я хожу. Я думаю — если понравлюсь, я и такая понравлюсь. Вон, беременная ходила в бар, ничего, там мужики приезжали, и их даже не смущало, что у меня живот есть — приглашали танцевать, так что ничего страшного — как человек одет, это не имеет значения»* [информант № 4].



Попробуем разобраться, почему так по-разному выстраиваются бытовые предпочтения у разных поколений поселка.

В интервью с представителями старшего поколения, так или иначе, всплывает тема Великой отечественной войны, которая вытесняет воспоминания о начале 1990-х. Собственно, благодаря военному опыту старики гораздо легче перенесли крах предприятия. В интервью со средним поколением тема постсоветского кризиса всегда оказывается ведущей. Закрытие завода стало главной жизненной катастрофой именно для них. Что же касается молодежи, у нее есть лишь смутные представления о «золотом веке» поселка. Их жизнь пока течет более или менее гладко, у них нет личного опыта исторических катаклизмов.

Таким образом, для представителей среднего поколения единственной исторической реальностью и единственным знакомым миром была жизнь при заводе. Они знали правила и лазейки этого мира, они умели жить в его повседневности и следовать ходу его времени. Их беспомощностью начала 1990-х во многом объясняется

---

1 *«С* пирожками и булочками-то я и не люблю возиться. Долго это все, мне проще пойти за 4 рубля и купить. Деньги отдала и все» [информант № 9]. *Отметим, что самые дешевые пирожки из тех, что мы видели*, стоили в 2007 г. 8 рублей.

тем, что их опыт, в отличие от опыта стариков, ограничен жизнью при заводе.

Поколение, которое выросло уже после ликвидации производства, также оказалось неспособным к планированию времени[1]. Их родители живут исключительно сегодняшним днем, а возможности увидеть другой образ жизни, у них просто нет. Из Мишелевки дети выезжают очень редко, а в Мишелевку практически никто не приезжает, не считая выселенных из городских квартир за долги «переселенцев». Все значимые решения, связанные с долгосрочными планами и деньгами, принимаются старшим поколением. Никаких финансовых планов у жителей нет, так что решения касаются только повседневных трат.

Покупки совершаются «взрослыми» членами семьи (теми, кто иногда зарабатывает деньги). У молодого поколения представления о реальной стоимости продуктов в поселке практически отсутствует: *«Да мне бы и полторы тысячи хватило бы, я же иждивенка (смеется), сильно продуктов-то не беру, все мама с бабушкой. Мне и полторы бы хватило, а если так домой брать продукты, то тысячи две-то с половиной точно надо. Хочется кушать-то хорошо, мне ей (ребенку) и молоко надо давать, и одевать ребенка, и самой одеться, помаленьку»* [информант № 4]. Респондентка считает, что 2,5 тыс. рублей было бы достаточно на питание (причем «хорошее») и одежду ей и ее ребенку. При этом в ее представлении «хорошо кушать» — эти питаться полуфабрикатами, например, пельменями. Заметим, что в 2007 г. 1 кг самых дешевых пельменей в поселковом магазине стоил около 100 рублей.

Вопросы о том, сколько денег им нужно на самостоятельную жизнь, какую зарплату они бы хотели иметь, как правило, ставят молодых людей в тупик. Они не представляют, во-первых, как и на что тратить деньги, поскольку редко держали в руках больше 500 рублей, и их родители не могут позволить себе давать им деньги на карманные расходы. Во-вторых, большие деньги в восприятии молодежи начинаются с 5000 рублей (разницы между 5000 и 50 000 рублей для них практически не существует). Нерегулярно возникающие деньги в основном тратятся на мобильные телефоны и алкоголь. Телефоны часто меняют, покупают новые модели, при этом денег на них, как правило, не кладут[2]. Мобиль-



1 Про практики обращения со временем см.: [*Zerubavel*, 2004].

2 «В: То есть ты в основном эти полторы тысячи в основном на что тратила? Одежда? О: Нет, я их не знаю, куда тратила. Вот первый раз получила я три шестьсот, там сразу же за два месяца дали. У бабушки юбилей был, я, наверное, тысячи полторы только дала на бабушке юбилей. По мелочам вышло так. Телефон купила себе за две семьсот» [информант № 4].

ный телефон рассматривается молодежью как знак социального престижа, в отличие от одежды, на которую обращают не слишком много внимания. Таким образом, молодое поколение не имеет практически никаких шансов научиться денежному планированию. Родители считают, что эта ситуация нормальна. Мы полагаем, это восприятие возникло в начале 1990-х, когда большинство социальных связей в поселке ослабло. Из всех социальных связей укрепились только семейные, поскольку проще было выжить всем вместе. Старики переезжали к детям; с одной стороны, им платили пенсию, которая часто становилась единственным источником дохода семьи, с другой — они могли помочь по хозяйству. Постепенно большая семья стала нормой. Дети, вырастая, продолжают жить с родителями, дедушками и бабушками даже тогда, когда приходит время рождения собственных детей. В этих условиях молодежи, опять-таки, просто не нужно уметь обращаться с деньгами и планировать.

Однако существуют два события, которые молодое поколение воспринимает как часть своего будущего и как нечто, прерывающее обычный ход жизни. Для юношей такое событие — армия, для девушек — беременность.



Многодетная семья типична для поселка. При этом естественный прирост населения не обеспечивается — смертность устойчиво превышает рождаемость. Пока нет данных, позволяющих определить, как повлиял на демографическую ситуацию «материнский капитал». В любом случае он не вызвал, а стимулировал описанные тенденции, поддерживаемые целым комплексом факторов. Контрацептивные практики не востребованы, поскольку презервативы для безработных довольно дороги, не говоря уже о других способах предупреждения беременности. Аборты не делает практически никто. Во-первых, для операции нужны деньги (собирать справки на социальный аборт слишком долго и хлопотно). Во-вторых, время и информация — куда ехать, сколько требуется денег, когда это нужно делать (в поселке нет гинеколога, и многие девушки впервые посещают гинеколога уже на 2–3-м месяце беременности). В-третьих, необходимо планирование своей жизни — представление о будущей работе, которой ребенок может помешать, планы уехать из поселка и т. д. Для рождения ребенка не нужно принимать каких-либо решений и как-то действовать, оно — часть нормального поселкового течения жизни. Проиллюстрируем наблюдение цитатой из интервью: *«О: Муж в армии. Она сидела на шее у родителей с двумя детьми, потом она еще одну родила, сейчас еще одного. И эта девочка теперь родила. Получается, она школу закончила, 9-й класс закончила и сразу родила. Учиться она не хочет ехать никуда. „Почему?— говорю,— едь даже со своими девятью классами в какой-нибудь лицей, выучись хоть на повара, на парикмахера,*

*еще на кого. Курсы какие-нибудь закончи". Она не хочет. У нее в принципе свекровь в Ангарске живет, ее туда звали, чтобы в лицее каком-то учиться, а она не хочет. «Что у меня там ребенок будет отравой или чем ли дышать», что там химия эта. В: А как она тут будет жить? О: А не знаю, как она тут собралась жить. Я постоянно говорю, что все равно родители не вечные, они тоже стареют, и как она собирается жить, я вообще не знаю. Она сидит... Она, конечно, молодая. <...> И все надо, все надо, и все хочется, а делать-то она ничего не хочет. О: А кто оплачивает все ее эти прихоти? Мама ей дает? В: Так мама не работает. Видишь, у них бабушка-то живая еще вот эта, мать-то ее, которой девяносто лет-то, пенсию-то она получает. Вот они на ее пенсию живут, где на бирже они стояли, получали там полгода, да детские добавляют»* [информант № 5][1].

Роды, в отличие от аборта, не требуют никаких затрат. Даже если, родив ребенка, молодая женщина не оставляет его, а передает в социальный приют, который расположен в этом же поселке, она следует распространенной практике, не вызывающей значимых для нее моральных санкций. Для тех, кто оставляет ребенка, немаловажно, что платят детское пособие — это один из немногих способов получать деньги. Но уже рождение первого ребенка практически лишает молодую женщину мобильности и «закрепляет» в поселковом сообществе[2].

Что же касается юношей, то они за немногими исключениями стремятся попасть в армию. Невозможность туда пойти, связанная со слабым здоровьем, может стать поводом для самоубийства. Армия — это шанс покинуть поселок, для которого, опять же, не требуется никаких усилий. Призывник может получить профессию, приобрести полезные знакомства и увидеть другую, непоселковую жизнь. Благодаря армии у мужчин значительно больше возможностей, чем у женщин. (В отличие, кстати, от их отцов, которые, когда закрылся завод, оказались в менее выгодном положении, чем женщины, все-таки имеющие шанс найти какую-то работу в самом поселке).



---

1 *«О: У нее сердечко слабенькое, она сама по себе слабенькая. Сейчас аборт сделает, может потом и не получиться ничего. А без детей скучно. В: А что с работой? И что потом? О: Нормально. Вырастит ребенка до полутора лет, потом куда-нибудь устроится. Все так, и Инка так же школу кончила»* [информант № 6].

2 *«...Домой приехала — никуда не поступила. В 2005 я забеременела, опять на биржу встала, в 2006 родила и теперь сижу, вожусь. В: А что рожала? О: А что? Захотелось родить. В: А мама против не была? О: Нет. Сама что-то захотела. В: Слушай, Инна, а не страшно так было одной рожать? О: Нет, а что страшно? В: Ну а на что кормить? О: Мама сказала — ничего, вывезем. Мне тетка даже с мамой говорили — даже не вздумай аборт, говорят, делать, а я даже и не собиралась»* [информант № 4].

Таким образом, беременность и армия — самые значимые вехи в жизни молодого поколения поселка, которые могут либо изменить ход жизни, позволив уехать из Мишелевки, либо, напротив, окончательно «закрепить» в ней. Среднее поколение, для которого эти события уже не значимы, надеется только на «чудо», т. е. на открытие завода.

Мифологема общего благополучия, имевшего место в прошлом, поддерживает как некую норму ожидание общего или персонального «чуда» — события, которое могло бы изменить жизнь, направив ее по восходящей траектории, нарушить «безвременье», в котором существует поселок и его жители. Эта норма транслируется также и тому поколению, которое не застало «золотой век» Мишелевки[1]. Если отдаться течению жизни, не сильно выпивать, зарабатывать деньги, которых хватает на то, чтобы сводить концы с концами, ничего не планировать и погрузиться в поток мелких и необременительных хозяйственных дел, то оно непременно с тобой произойдет. Активные действия трудны и бесполезны. Жизнь не осознается как процесс, которым можно самостоятельно управлять. У нее своя логика и течение, которые невозможно изменить. Сегодня она определяется простыми бытовыми нуждами: нужно что-то есть, покупать новую одежду, рожать и воспитывать детей.



Сейчас мы попробуем описать, как закрытие завода и исчезновение общего поселкового времени повлияло на специфику представления жителей о «хорошей» и «плохой» (или «достойной» и «недостойной») работе.

## Трудовые предпочтения

Временная работа для местных жителей оказывается предпочтительнее постоянной. Последняя возможна только за пределами поселка (в данном случае речь идет только о мужчинах, поскольку такая работа всегда связана с традиционно мужскими сферами занятости). Мишелевка расположена в 30 км от федеральной трассы М-53 и железнодорожной станции, и уехать из поселка можно только на автобусе или маршрутке, что для большинства жителей дорого (50 рублей до ближайшего города в 2007 г.)[2].

---

1 *«Вообще, знаете, надежда только на чудо. На чудо, что какое-то чудо произойдет — или, может быть, правительство поменяется, или президент. А так, если дальше так жить, очень страшно»* [информант № 3].

2 О том, как пространственная удаленность способствует «консервации» бедности см., например: [Tickamyer, Duncan, 1990].

Кроме того, работа, которую можно получить за пределами поселка, оценивается как тяжелая, требующая переструктурирования всего образа жизни. В качестве объяснения того, почему ее муж не устроится на более высокооплачиваемую работу, респондентка приводила следующие соображения: *«Если работать на пилораме, туда надо ездить каждый день. В: Но там платят, наверное, больше, нет? О: Где, на пилораме? Ну да, но ведь там нужно ездить пять раз в неделю. Ну не тот он человек, чтобы рваться вот так вот. <...> Тут нужно работать, <...> он работал бы по своей специальности там, но это же каждый день надо к 9, и только в 7 часов тебя повезут с работы»* [информант № 12]. Большая зарплата кажется недостаточным основанием для изменения уже привычного образа жизни, поскольку понятно, что дополнительный доход не настолько высок, чтобы обеспечить значительное улучшение уровня жизни, а копить деньги в поселке не принято.

В постоянство работы за пределами поселка жители не очень верят. К этому у них есть основания, поскольку, во-первых, часть предприятий действительно закрывается, во-вторых, нередко рабочих увольняют за алкоголизм. К таким увольнениям они не привыкли. Конечно, в советское время за это тоже можно было лишиться работы, но для этого алкогольная зависимость рабочего должна была принять очень тяжелые формы. Во всяком случае, если рабочий не выходил раз в месяц на работу после чрезмерного злоупотребления спиртным, то это, как правило, не рассматривалось начальством как повод для увольнения. Естественно, устроившись работать на частное предприятие, бывшие рабочие столкнулись с другим отношением работодателей.



К тому же жители, успевшие поработать на фарфоровом заводе, считают занятность за пределами Мишелевки «ненастоящей». «Настоящая», созданная специально для них работа, связана исключительно с предприятием. Она, в отличие от сегодняшних временных приработок, была на всю жизнь, давая возможность думать о будущем.

Может показаться, что представление о работе у молодежи поселка просто отсутствует, поскольку у них нет ни воспоминаний о работе на заводе, ни какой-либо временной работы. Единственный источник их представлений о занятости — временные приработки их родителей. Иногда молодые люди связывают свое будущее с работой, не очень хорошо представляя, где и с какой именно.

С закрытием предприятия исчезла уверенность в будущем. Катастрофический жизненный опыт жителей служит для них еще одним доказательством того, что работа — это не то, что может гарантировать какую-то жизненную стабильность. Долголетнее уми-

рание завода сопровождалось надеждой на выздоровление «кормильца». Поиск другого рабочего места за пределами поселка был исключением и редко кем рассматривался как новая жизненная стратегия. Затянувшаяся безработица оказалась ловушкой, закрепила боязнь перед выбором, рисками, с которыми связаны изменения, и необходимостью жизненных усилий: *«Завод развалили. Сейчас чтобы, говорят, сделать фарфоровый завод — его не сделаешь. А что-то другое здесь — это, значит, его нужно переконструировать, что-то другие какие-то, оборудование какое-то привезти. И опять же кто пойдет работать? Может, и пойдет кто-то работать, но работать-то люди разучились, не хотят, желанья нет. Вот посмотришь, нет-нет да и какие-то объявления: нужны там плотники, нужны шоферы, нужен, там, куда-то на пилораму какие-то там работники, может, кто идет, а кто не идет»* [информант № 13].

В текущей ситуации наличие какой-либо работы получает общественное одобрение. Одновременно заметна тенденция не только к «выпадению» из любого рабочего ритма, но и неготовность к интенсивному труду, отсутствие стремления заработать больше и т. д. Тяжелой считается, например, должность санитарки, которая трудится полный рабочий день, а потом два отдыхает. О такой работе вспоминают как о выматывающей и отнимающей много времени. О сборе урожая картофеля (например, вчетвером на пяти сотках) говорят как о деле, отнимающем массу сил и энергии, а о покраске окон — как о занятии, для которого нужно долго выкраивать время. Молодая безработная женщина рассказывает о покраске стен в двух комнатах следующим образом: *«В: Ты еще долго же собираешься в этом доме жить, до холодов, что собираешься делать тут, по дому? Что планируешь? О: ... да я уже ничего, наверное, не планирую, вот планирую вот это вот все отскоблить и все, если получится, вот здесь еще покрасить. Еще планирую, если получится, стены покрасить, если будут время и деньги»* [информант № 4].



Когда большинство жителей поселка лишились постоянной работы, их представления о ней стали постепенно трансформироваться. Вместе с ними трансформировались и представления о свободном времени.

Описать, как жители поселка проводят досуг, довольно трудно, поскольку категория «свободного времени» непонятна безработным, если судить по интервью, его у них просто нет. Те, у кого на момент интервью была временная работа, говорили, что она отнимает у них все свободное время. Те, кто не работал, говорили то же самое про дом и огород: *«О.: Ну-у (пауза) свободное время? А кого у нас гулять-то? Так... телевизор вон, я вообще... старюсь лучше дома делать... В.: То есть, нет его особо, времени-то? О.: А какое оно время-то? Хоть и в огороде вон лазишь помаленьку. <...> Ну, вот раньше-то, говорю,*

*мы вот раньше... это... в заводе у нас суббота-воскресенье выходные были. Старались это... на природу выехать, потому что раньше там квартиры эти... не грабили, не чистили... ни наркоманов этих. И оставляли, и отдыхать ездили, просто чисто отдохнуть, раньше...»* [информант № 7][1].

Сформированные заводом представления о работе не исчезли вместе с его закрытием. Для жителей Мишелевки по-прежнему только работа на заводе кажется «настоящей». При этом годы, прошедшие с его закрытия, трансформировали представления как о работе и свободном времени, так и об их соотношении.

## Сеть актантов и коллективная память

Мы попытались показать, что роль завода в Мишелевке не ограничивалась простым обеспечением ее жителей работой. Дюркгейм говорил о том, что общество составляют на только индивиды: «Строго говоря, общество включает также и вещи» [Дюркгейм, 1995]. Просто индивиды являются его наиболее активными элементами. Поэтому мы обратились к Б. Латуру, который продолжил эту линию размышлений Дюркгейма в современной социологии. Часть его теоретических построений связана с исследованием вещи как «недостающей массы» в социологии и роли вещей в социальном мире [Латур, 2006].

Симбиоз завода и поселка, разрушение которого привело к утрате общего ритма времени, может быть рассмотрен как одна из иллюстраций к концепции Латура. В качестве актантов социальной сети, по Латуру, могут выступать как «живые», так и «не-живые» существа [Latour, 2005]. Например, актантом может быть как рабочий, так и станок, с которым он работает. При этом социальная сеть может иметь достаточно сложную многоуровневую архитектуру. На одном ее уровне актантами будут рабочий и станок, а на другом — завод и поселок. Некоторые связи между актантами просты и очевидны,



1 «В: Вот у тебя каждый день работаешь до четырех часов, кроме субботы и воскресенья, да? А вторую половину дня ты чем занята? О: В смысле после четырех? Когда я прихожу с работы? В: Да! О: Прихожу, кушаю, отдохну (смеется).. Ну там какие-нибудь эти, по дому дела, ну там ремонт у нас небольшой, а так в принципе ничем. Если товарищи приезжают — общаешься с ними. Ну, в основном отдыхаю, когда с работы прихожу, мне очень желание большое спать» [информант № 8].
«В: Слушай, ты вот родила, не работала, дитя же маленькое, чем в основном занималась? О: Дома сидела, на диване валялась, телевизор смотрела, летом я окна красила» [информант № 4].

другие можно обнаружить только при разрушении социальной сети.

Завод обеспечивал жителей поселка рабочими местами и возможностью учебы (при заводе был техникум), жильем и квалифицированным медицинским обслуживанием. Но помимо всего этого предприятие, как актант в социальной сети, задавало ритм жизни сообщества. В каком-то смысле завод производил не только фарфоровую посуду, но и время.

Когда завод закрылся, люди оказались не просто без средств к существованию. Жители Мишелевки оказались наедине со временем, которым они совершенно не умели управлять. Время оказалось для них слишком трудной и непонятной субстанцией, и они, лишенные привычного внешнего структурирования, «увязли» в нем.

Когда с разрушением завода связь завода и поселка исчезла, ее значение стало очевидно. Жители поселка утратили не только рабочие места, они утратили время и без «недостающей массы» завода не смогли его восстановить. Жители, лишенные привычного темпорального ритма, не смогли ничем его заменить. Планирование времени было «работой» завода, а не жителей поселка. Таким образом, пользуясь терминологией Б. Латура, исчезновение «механического» актанта разрушило всю социальную сеть.



Вторая теоретическая рамка, к которой мы обратились, — концепция коллективной памяти М. Хальбвакса. В классической работе «Социальные рамки памяти» [Хальбвакс, 2007] он писал о том, что рабочие являются угнетенным классом не только из-за экономических условий, как полагал К. Маркс, но и из-за того, что они в силу специфики профессии в отличие от других классов лишены социальной памяти. Однако один из ведущих лейтмотивов наших интервью с бывшими заводским рабочими — это их память о заводе.

Практически в каждой семье поселка есть бывший работник Хайтинского фарфорового завода. Историей завода жители Мишелевки гордятся, хотя и не знакомы с ее деталями; она — единственное, что все еще связывает всех жителей поселка. Старики вспоминают о времени расцвета завода с гордостью, среднее поколение посредством трудовых воспоминаний легитимирует свой нынешней образ жизни, молодежь просто транслирует обрывки самых разных сведений о производстве, заполняя возникающие в беседе с посторонним поселку человеком пустоты и показывая, что им тоже есть чем гордиться. Большая часть жителей поселка когда-то принадлежала к социальному классу рабочих.

Кратко опишем, в чем видел специфику этого класса М. Хальбвакс. В основании его теории социальных классов лежит оппозиция

двух сфер социальной жизни. Одну из них он называет зоной технических отношений, другую — зоной личных (в семье, обществе). Все классы разделены между этими двумя сферами. Рабочий класс — это пример чисто технической деятельности: исполняя социальную функцию, он имеет дело только с механическими объектами и замкнут на них. Этот класс изъят из межличностных отношений и не имеет возможности развиваться, обогащаясь посредством общения с другими классами. Как замечал по этому поводу Хальбвакс, «привычки мышления или немышления, вызываемые соприкосновением исключительно с материей, частично выплескиваются в ту зону общества, где живет рабочий, выходящий из цеха» [Хальбвакс, 2007, с. 291].

Таким образом, рабочий класс оказывается лишен классовой памяти. Хальбвакс определяет класс не через сферу производства и эксплуатации, а через сферу культурного исключения. Дело даже не в том, что рабочие материально эксплуатируются другими классами, дело в том, что господствующие классы лишают рабочего личности, поскольку принуждают его исключительно к техническому труду, тем самым вычеркивая из общественной жизни.



Работа только с вещами лишает рабочих предпосылок для отношений с людьми, которые становятся вторичными, производными от отношений с вещами. Многие жители поселка отмечают, что после закрытия завода жители стали относиться к окружающим равнодушно-недружелюбно, практически перестали общаться вплоть до того, что владельцы частных домов со временем перестали здороваться друг с другом. Общаются между собой только подростки (в основном мальчики с 13 лет до призывного возраста) и пожилые женщины. Возможно, причина в том, что после закрытия завода жителям стало просто негде друг с другом встречаться и не о чем разговаривать. Раньше, по словам респондентки, встречались на предприятии, болтали в обеденный перерыв. Общее пространство пропало вместе с общим временем, а вместе с ними исчезли характерные для поселка социальные связи. Исчезновение «вещи» — завода — повлекло за собой исчезновение отношений между рабочими, которые были крепко объединены только «механическими» связями. Сейчас самой сплоченной общностью в поселке выглядят алкоголики, поскольку только у них есть повод, чтобы видеться. Но и в этих отношениях первичной тоже является «вещь».

При этом коллективная память у рабочих все же есть. Другое дело, что она, в отличие от памяти других социальных классов, не связана с местом в истории и его положительным или отрицательным общественным образом. Память рабочих — это, строго говоря, не па-

мять о рабочих. Это память о заводе. Рабочие как социальный класс не могут с ней работать так, как это сделали, например, буржуа, включив в свою классовую память часть воспоминаний дворянства. В результате рабочие не способны что-либо сделать с памятью без «недостающей массы» завода. Все, что им остается, — это хранить ее, поскольку память — единственное место, где они все еще являются социальным классом[1].

## Заключение

Мы попытались описать повседневность ПГТ Мишелевка, а также понять, каким образом такая повседневность могла возникнуть. Сегодня жизнь в поселке строится по принципу наименьшего сопротивления: делается то, что требует самого небольшого количества усилий и минимального планирования. Единственное, что все еще объединяет жителей поселка — это память. Память о центре их жизненного мира — память о заводе.

Мы также попытались показать, что закрытие завода в долгосрочной перспективе оказалась чревато для Мишелевки не только типовыми последствиями (безработица, преступность, алкоголизм и т. д.), но и потерей общего времени, которое раньше создавал завод. Исчезновение общего времени стало фатальным для жителей, поскольку вместе с ним исчез и сам поселок как особый жизненный мир и социальная общность. Ему на смену пришел новый образ жизни, главным элементом которого стало «безвременье». Невозможность самим планировать время — лишь следствие утраты унифицированной временной перспективы. И, возможно, именно эта утрата делает бедность неизбежной и закономерной.



## Библиография


1. *Дюркгейм Э. Социология. М.: Канон, 1995.*
2. *Кузнецова Т. Е. Производственная сфера современного села М.: Наука, 1986.*
3. *Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей. Сборник статей/под ред. В. Вахштайна. М.: ИД «Территория будущего», 2006. с. 199–223.*
4. *Лиднер П. Репродукционные круги богатства и бедности в сельских сообществах России // Социологические исследования. 2002. № 1.*
5. *Распутин В. Г. Повести. М.: Советский писатель, 1990.*
6. *Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть. Избранные политиче-*


1 Тонкие наблюдения о связи коллективной памяти и социального пространства см.: [Zerubavel, 2003].

*ские статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006.*
7. *Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.*
8. *Brady D., Wallace M. Deindustrialization and Poverty: Manufacturing Decline and AFDC Reccipiency in Lake Country, Indiana 1964–93 // Sociological Forum. 2001. Vol. 16. No. 2. P. 321–358.*
9. *Jack L., Orville R. An Evaluation of the Concept «Culture of Poverty» // Social Forces. 1967. Vol. 45. No. 3. P. 383–392.*
10. *Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press. 2005.*
11. *Lefebvre H. Rhythmanalysis: Space, Time and Everyday Life Continuum. London, 2004.*
12. *Tickamyer A., Duncan C. Poverty and Opportunity Structure in Rural America // Annual Review of Sociology. 1990. Vol. 16. P. 67–86.*
13. *Zerubavel E. Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life Chicago: University of Chicago Press, 1981.*
14. *Zerubavel E. The Social Marking of the Past: Toward a Socio-Semiotics of Memory // Roger Friedland and John Mohr (eds.), Matters of Culture: Cultural Sociology in Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2004, p. 184–192.*
15. *Zerubavel E. Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past. Chicago: University of Chicago Press, 2003.*



## Информанты

- Женщина, около 55 лет, врач-терапевт, двое детей (оба не живут в Мишелевке), живет одна.
- Мужчина, около 50 лет, священник православной церкви, женат, двое детей.
- Женщина, около 40 лет, безработная, замужем (муж получает пенсию по инвалидности, имеет временные приработки), один ребенок (школьного возраста).
- Женщина, около 20–25 лет, техничка в больнице (временная занятость), дочка (1,5 года), не замужем.
- Женщина, 26 лет, сотрудник библиотеки, ребенок (3 года), замужем (муж работает вахтовым методом).
- Женщина, 45 лет, санитарка, трое детей (двое — школьного возраста), внучка, мать-пенсионерка, живут все вместе.
- Женщина, около 45 лет, безработная.
- Женщина, 18 лет, безработная, не замужем, детей нет, живет с матерью.
- Женщина, 37 лет, безработная, замужем, двое детей.
- Женщина, около 35 лет, сотрудник ЖКХ, незамужем, детей нет, живет одна.
- Женщина, 76 лет, пенсионерка, живет одна, в благоустроенной квартире, двое детей (живут в областном центре).

- Женщина, ок. 45 лет, уборщица, замужем, двое детей.
- Женщина, 57 лет, инженер по технике безопасности, в разводе, взрослая дочь с детьми, проживают вместе.